
XXI ВЕК

Э. С. КУЛЬПИН, О. А. МАШКИНА

КЛЮЧЕВЫЕ МОМЕНТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ КНР

Решение одновременно как внутрикитайских, так и мировых проблем становится возможным только за счет принципиально новых технологий. Китайское общество должно быть способным не заимствовать новые технологии у других, как было до сих пор, но самостоятельно генерировать новые идеи и практически воплощать их в технологии в разных сферах жизни. Способно ли китайское общество выполнить объективно стоящую перед ним задачу?

Ключевые слова: модернизация, умонастроение, образование, генерирование идей.

На протяжении почти двух тысячелетий, от династии Хань до династии Цин, в жизни китайского общества оставались неизменными три константы социальной и экологической стабильности: 1) неизменность порядков жизни, находящихся в созвучии с представлениями людей о мире, о жизни и о себе; 2) неизменность границ территории обитания основной массы населения Поднебесной; 3) неизменность границ, в которых происходили изменения (колебания) численности населения. Хотя стабильность общества и системы «общество – природа» была не абсолютной, но относительной, она периодически нарушалась, но и неизменно восстанавливалась в соответствии с «проектом», выработанным в эпоху античного социально-экологического кризиса. До XVII в. наибольшая численность населения, учтенного государством, ни разу не превысила 60 млн. Какова была реальная численность населения в периоды династийных максимумов (100, 150, 200 млн), мы не знаем, но

в данном случае существенно другое: был некий вполне определенный предел демографического роста, относительно небольшой в сравнении с населением КНР. И, что самое главное с позиций технологической интерпретации истории, до достижения этого предела Китаю необязательно было переходить на новые производящие технологии, а промышленная и непромышленная деятельность общества не приводила к нарушению экологического равновесия. Предел был превзойден в правление Цянь Луна (1711–1799) – четвертого императора династии Цин. Как считают китайские исследователи, унижительное поражение в опиумной войне 1840 г. дало толчок рождению реформаторского движения за вестернизацию страны (Лин Джастин Йифу 2013: 84–85). Для выхода из кризиса надо было перейти на производящие технологии, возникшие в Европе, естественно, в соответствии с европейскими представлениями о мире и о себе, то есть отличными от традиционных китайских. (Главное отличие: если в Европе ценностью-вектором является развитие, то в Китае – стабильность.) Переход оказался для общества не только тяжелым, что характерно для любых модернизаций, но и затяжным. Позитивные результаты, обремененные, кстати, крайне негативными экологическими последствиями, стали сказываться только к началу XXI в. Одновременно выявилась невозможность дальнейшего развития за счет национальных природных ресурсов. На грани веков Китай стал общепланетарным явлением. Экономический рост КНР обуславливает скачкообразные увеличения спроса Поднебесной на импортные минеральные ресурсы и продовольствие, и, как следствие, скачкообразные повышения мировых цен на потребляемые Китаем ресурсы. Дальнейший экономический рост Китая за счет ресурсов всей планеты не только чреват глобальной напряженностью, но и имеет естественные пределы (Кульпин 2010).

Острота внутренних социальных проблем КНР – растущая пропасть между бедными и богатыми, городом и деревней, прибрежными и внутренними районами, ханьцами и нацменьшинствами – в настоящее время снимается за счет экономического роста, которому благоприятствует беспрецедентно высокая доля работоспо-

собных людей в общей численности населения. Но такая ситуация временная и имеет свойство меняться на прямо противоположную¹.

Таким образом, объективно решение как внутрикитайских, так и мировых проблем становится возможным только за счет принципиально новых технологий. Но сами китайцы в массе своей вовсе не считают, что должны генерировать новые идеи. Они считают важной задачей находить новые сферы для применения старых/чужих идей и тем самым улучшать качество жизни. Китайское общество обречено осуществлять модернизацию, но какой она будет?

* * *

Во всех энциклопедических словарях синонимом модернизации является усовершенствование. Оно не просто присутствует в определениях, но в подавляющем большинстве случаев стоит на первом месте. Если в тех же словарях привести к общему знаменателю смысл прилагательных к существительному², то видно, что речь идет не просто о «техническом» (технологическом, социальном, политическом, экономическом и т. д.) усовершенствовании, но об *умонастроении* общества, ориентации его на изменение, развитие (в противоположность стабильности, консервативности). В современном Китае подобное настроение есть и имеет поэтическое название – *китайская мечта*.

Перманентная догоняющая модернизация предстает как умонастроение на развитие временное – лишь до достижения относительного паритета с развитыми странами. Нельзя сказать, что умонастроение само по себе является достаточным основанием модернизации. Оно явно необходимо, но, как свидетельствуют успешные

¹ Доля населения трудоспособного возраста (15–64 года) в КНР достигла пика в 2011 г. (72,3 %), после чего постепенно снижается. Население в возрасте старше 65 лет за период 2000–2050 гг. вырастет с 6,8 % до 22,6 %, а удельный вес детей и молодых людей в возрасте 6–22 лет существенно снизится (The 2008 Green Paper 2008: 194; Тянь Сюеюань, Чжоу Липин 2004:16).

² Прилагательные к существительному «модернизация» – «политическая», «социальная», «культурная», «эндогенная», «экзогенная», «первичная», «вторичная», «органическая», «неорганическая», «анклавная».

модернизации ряда стран в XX в., недостаточно. Оно не является фактором возникновения автоматизма трансформаций.

Различают два типа модернизации – органическую и неорганическую. Первичная, она же органическая, модернизация проходила в тех странах, которые были новаторами на этом пути, и разворачивалась благодаря внутренним факторам, в частности коренным изменениям в сфере культуры, ментальности, мировоззрения. Вторичная, неорганическая, модернизация происходит как ответ на внешний вызов со стороны более развитых государств и осуществляется преимущественно под влиянием заимствования чужих технологий и форм организации производства и общества, приглашения специалистов, обучения кадров за рубежом, привлечения инвестиций. Вторичная, неорганическая, модернизация начинается не в сфере культуры, а в экономике и/или политике, но продолжается в сфере культуры. Ее основной механизм – имитационные процессы, изменения в ментальности, мировоззрении.

При множестве смыслов понятия модернизации она обычно понимается в одном – догоняющая. Однако в общепринятом значении есть смысловая недоговоренность, поскольку после усвоения достижений развитых стран, прежде всего технологических достижений, в обществе возникает проблема «как жить дальше?». Или процесс завершен и можно удовлетвориться достигнутым, или надо продолжать двигаться в том же направлении? Но тогда модернизация должна трансформироваться из догоняющей в опережающую³, из вторичной – в первичную, из неорганической – в органическую, из анклавной – во всеобщую и т. д. Если трансформация не состоится, то общество, осуществившее догоняющую модернизацию, через некоторое время встанет перед необходимостью снова догонять.

Какие факторы способствуют модернизации? Есть вещи, лежащие, казалось бы, на поверхности. История ясно показывает две предпосылки догоняющей модернизации: первая – достижение необходимого уровня общего образования, основы профессиональ-

³ Термин «опережающая модернизация» оставляет желать лучшего, но он уже принят.

ных знаний, вторая – устранение сопротивления преобразованиям каких-либо социальных слоев в течение времени как минимум одной смены демографических поколений. Модернизации в Китае препятствовало поколение, мировоззрение которого сформировалось во время «культурной революции». Тогда молодежи внушалось, что жизненный успех зависит не от знаний и результатов квалифицированного труда, а от идеологических установок и политической борьбы. Когда основная масса «крестников культурной революции» стала незначительной частью трудоспособных, Китай вступил в фазу активного экономического роста. Как и предсказывалось⁴, это произошло в конце XX – начале XXI в.

Переход от экзогенной (догоняющей) к эндогенной (опережающей) модернизации возможен при равенстве возможностей для всех слоев населения в процессе преобразований и в пользовании его результатами. В условиях социальной несправедливости переход невозможен, для него нужно моральное основание. В Китае КПК является гарантом социальной справедливости, развитие страны осуществляется в соответствии с решениями компартии и в самом кратком виде выглядит следующим образом.

В 1982 г. каждый четвертый китаец старше 15 лет был неграмотным, на 100 тыс. жителей приходилось всего 6779 человек с полным средним общим или профессиональным образованием и 615 человек с образованием выше среднего (China... 2010: 98). В фокусе образовательной политики в 1980-е гг. были такие задачи, как ликвидация неграмотности среди взрослого населения, охват начальным образованием детей соответствующего возраста, планомерное увеличение сроков обязательного обучения и расширение масштабов обучения в полной средней школе. В условиях дефицита квалифицированной рабочей силы также необходимо было восстановить функционирование вузов, закрытых в годы «культурной революции». На фоне многочисленных неотложных задач, решение которых требовало значительной концентрации финансо-

⁴ О взаимосвязи хода модернизации в Китае и ухода из активной жизни препятствующих социальных слоев см.: Кульпин 1990: 115–127.

вых, материальных и кадровых усилий, не может не вызвать восхищения дальновидность, которую продемонстрировало китайское руководство уже в 1980-е гг., разрабатывая стратегию параллельного развития массового и элитарного секторов высшего образования (см.: Машкина 2009; 2010; 2012; 2013а; 2013б).

Рубеж 1980–1990-х гг. стал переломным в развитии высшего образования. Число вузов и преподавателей в них без малого удвоилось, число студентов – утроилось. В 1998 г. был принят Закон КНР о высшем образовании, который значительно расширил рамки самоуправления вузов. Вузы получили право регулировать соотношение приема на факультеты, выполнять коммерческие научные исследования и технические заказы; самостоятельно развивать научно-технический и культурный обмен и сотрудничество с другими вузами, в том числе иностранными; определять структуру и кадровый состав учебных, научных и административных подразделений; управлять предоставленным учредителями имуществом и средствами, выделенными государством и спонсорами (Боревская 2007: 252). Массовое высшее образование в КНР стало общественным достижением с начала 1990-х гг., однако оно не обеспечивало подготовку кадров, способных самостоятельно создавать наукоемкую продукцию, необходимую для преодоления технологической зависимости Китая от западных производителей.

В марте 1986 г. руководство страны опубликовало «Программу 863», в которой были обозначены приоритетные направления развития национальной экономики и науки: микроэлектроника, информатика, космос, оптико-волоконные технологии, генная инженерия, биотехнологии, медицина, энергосберегающие технологии. В 1995 г. в дополнение к плану развития высоких технологий была разработана «Программа 211» с целью «подготовиться к вызову глобальной технической революции, стимулировать развитие высшего образования, повысить уровень образования и научных исследований вузов» (Ли Ланьцин 2007: 198). В «Программу 211» были включены 100 ведущих вузов и 602 исследовательских проекта по наиболее востребованным новым научным направлениям. Перед вузами была поставлена задача занять высокие места в рей-

тинге ведущих вузов мира, однако на тот момент ни один из отобранных вузов не «дотягивал» до мировых стандартов научных исследований и подготовки специалистов. «Программа 211» позволила сосредоточить комплексный научный потенциал в ведущих университетах страны. Так, 84 % и 69 % от общего числа докторантов и магистрантов обучаются в вузах, включенных в список «Программы 211», при этом почти треть из них – в ключевых вузах четырех крупнейших городов центрального подчинения – Пекине, Тяньцзине, Шанхае и Чунцине (Там же: 199). В библиотеках 13 ведущих университетов страны (Цинхуа, Фудань, Нанкинский, Сианьский политехнический университет Цзяотун и др.) собраны все наиболее значимые современные зарубежные издания по техническим, промышленным, сельскохозяйственным и медицинским специальностям. В вузах «Проекта 211» сосредоточено 2/3 всех ключевых лабораторий и инженерно-конструкторских исследовательских центров страны. В мае 1998 г. китайское правительство принимает «Проект 985», который конкретизировал «Программу 211» по этапам реализации. В дальнейшем из 100 приоритетных вузов были отобраны 9 университетов-лидеров. Финансовая поддержка со стороны центрального правительства в годы реализации проекта в 1999–2007 гг. превысила 4,8 млрд долларов США, из которых более половины средств были инвестированы в 9 лидирующих вузов (Annual... 2010: 252).

Согласно прогнозам, если темпы роста системы высшего образования составят 3 %, то к 2020 г. прием в вузы увеличится до 38 %, а при темпах в 4–5–6 % достигнет соответственно 45–52–61 % (The 2006 Green Paper... 2006: 78–79, 112). Бурный рост средней и высшей профессиональной школы позволяет китайским специалистам говорить о том, что Китай в ближайшее десятилетие по охвату населения профессиональным образованием догонит технологически развитые страны. Однако обеспечит ли данный охват переход к опережающей модернизации?

Есть некоторые национальные особенности, которые препятствуют развитию творческого потенциала студентов. Прежде всего это китайские традиционные ценности, ядром которых является

стремление к стабильности, а не переменам, к следованию указаниям свыше, а не самостоятельному поиску нового, к совершенствованию созданных ранее образцов, а не экспериментированию. Отмечая большие количественные успехи КНР в образовании, известный китайский ученый, создатель китайской межконтинентальной баллистической ракеты Цянь Сюэсэнь⁵ в конце первого десятилетия XXI в. выражал озабоченность по поводу того, что высшая школа КНР не формирует у своих выпускников готовность к переменам и способность их инициировать. Огромные инвестиции в различные инновационные проекты и планы, на его взгляд, не дают адекватного эффекта. Причину он видит в отсутствии в китайских университетах духа самобытности и атмосферы творчества. В отличие от американских технических вузов китайские, по его определению, «словно созданы под одну копирку». «В китайских вузах говорят только о том, что уже было озвучено другими, и не осмеливаются говорить о том, о чем еще никто не говорил, а значит, и не осмеливаются исследовать неизведанное», – таков его вывод, с которым согласились общественность и руководство страны (Annual... 2010: 295).

На особый строй мышления китайцев большое влияние оказывает также иероглифическое письмо, что отмечают многие исследователи Китая. «Язык служит наглядным воплощением одной из интереснейших особенностей китайского мышления, – пишет известный китаевед профессор В. В. Малявин, – а именно: отсутствия четкого разграничения между частью и целым, сущностью и декором, принципом и явлением» (Малявин 2003: 381). Иероглифика создает барьер для формирования навыков абстрагирования, структурирования знаний, умений анализировать, интерпретировать результаты. Развитию творческих способностей также мешает и психологическая закрытость китайцев, обусловленная боязнью «потерять лицо», то есть показаться смешным и быть не таким, как все. По этой причине, как показывают наши прямые наблюдения,

⁵ На английском языке имя ученого 钱学森 транскрибируется как Hsue-shen Tsien.

китайские студенты пассивны и не любят задавать вопросы преподавателю, если чего-то не понимают.

Очевидно, что для инновационного развития, помимо материально-технической базы, необходимым условием является прорыв в мышлении. Сегодня организационно-структурные реформы в высшей школе проходят быстрее, чем внедрение новых образовательных концепций. В китайском образовании по-прежнему доминирует обучение, нацеленное на трансляцию информации и вдалбливание идей и понятий, а не совершенствование интеллектуальных способностей и развитие способностей студентов анализировать, формулировать вопросы и искать на них ответы. Повышение качества университетского образования возможно на пути принципиального изменения концепций обучения. А пока этого не происходит, в страну активно приглашают иностранцев. За период с 1989 по 2009 г. численность иностранных профессоров и преподавателей в вузах КНР увеличилась в 16 раз: с 686 до 11 000 высококвалифицированных педагогов. За тот же период, по данным сотрудника министерства образования КНР Сюн Циняня, число иностранных ученых в китайских исследовательских центрах выросло без малого в двести раз, а именно – с 2500 до 480 000 человек (Сюн Цинянь 2011). Вероятно, сюда включены и вернувшиеся на родину репатрианты, и китайские студенты зарубежных вузов, но все равно количество исследователей, которые привезли с собой не только профессиональные знания, но и новые жизненные представления и убеждения, беспрецедентно для истории других стран и народов. Учитывая, что в общей сложности в исследовательских центрах КНР работает 1,6 млн ученых, можно утверждать, что иностранные исследователи и молодые китайские специалисты, получившие образование за рубежом, не только вносят существенный вклад в развитие китайской науки, но не исключено, что именно на них делается основная ставка руководства страны. И это не случайно.

Чтобы оценить сложность задачи, объективно стоящей перед Китаем, достаточно сказать, что с Нового времени история не знает

прецедентов перехода догоняющей модернизации в опережающую. На грани такого перехода в XX в. реально стояли, пожалуй, только две страны – СССР с его техническими достижениями эпохи «оттепели» и освоения космоса (1950–1960-е гг.) и Япония в 1970–1980-е гг. Причины технологического отставания СССР выходят за рамки нашего анализа. Что касается Японии, исторически дочерней цивилизации от Китая, то многое в этих двух странах идентично. В годы стремительного роста Японии в США были буквально панические настроения, связанные с перспективой уступить Стране восходящего солнца первенство в развитии. А в Японии тогда же дискутировался вопрос: способны ли японцы генерировать идеи, то есть осуществить переход от догоняющей к опережающей модернизации? Не вдаваясь в рассмотрение принципиальных различий представлений о мире и о себе у представителей западноевропейской и китайской цивилизаций (об истоках см.: Кульпин 2009), констатируем факт: это им не удалось.

Как и японцы, китайцы хорошо адаптируют технические достижения европейской цивилизации, но способны ли ученые Китая массово генерировать идеи? До сих пор представители древнейшей цивилизации и самого многочисленного народа Земли не смогли дать ни одного лауреата Нобелевской премии в области естественных наук, который получил бы высшее образование в своей стране и работал в КНР. Но является ли данный результат следствием несовершенства системы образования и недостаточного уровня развития науки в стране, то есть принципиально преодолимых недостатков, или с чем-то иным, непреодолимым в принципе? На второе предположение, как и в случае с Японией, ответ может дать только история⁶.

⁶ Руководство КНР пытается найти ответ на вызов истории. Правительство Поднебесной учредило грантовые программы поддержки 1000 талантливых молодых людей, 1000 талантливых иностранцев и репатриантов. Объявлено о введении программы поддержки 10 тыс. ведущих китайских ученых в области точных, инженерных и социальных наук. Цель проекта – в течение 10 лет вырастить в концентрированной интеллектуальной среде 100 претендентов на Нобелевскую премию (Qiang Zha 2014).

Литература

Боревская, Н. Е. (отв. ред.) 2007. *Россия – Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв.: Сравнительный анализ.* М.

Кульпин, Э. С.

1990. «Культурная революция» и развитие китайского общества. *Опыт социологического анализа переписи населения. Новое в изучении Китая.* Ч. IV. *Социально-экономическое развитие Китая: навстречу 90-м годам* (с. 115–127). М., 1990.

2009. *Восток: Природа – технологии – ментальность на Дальнем Востоке.* 2-е изд., доп. М.: ЛИБРОКОМ.

2010. Китайский вызов: пределы роста. *История и современность* 2(12): 140–143.

Ли Ланьцин. 2007. *Образование для 1,3 миллиарда (Экс-вице-премьер КНР Ли Ланьцин на десятилетней работе реформы и развития китайского образования).* Пекин.

Ли Джастин Йифу. 2013. *Демистификация китайской экономики.* М.: Мысль.

Малявин, В. В. 2003. *Китайская цивилизация.* М.: Дизайн: Астрель, АСТ.

Машкина, О. А.

2009. Образование как ресурс развития КНР в XXI в. *История и современность* 1: 144–158.

2010. Китай: перспективы инноваций и образования. *История и современность* 2(12): 197–203.

2011. Научно-технический потенциал КНР: прогнозы и реальность. *Общество. Государство. Политика* 1: 83–103; 2: 24–37.

2012. Образование как приоритет социально-экономического развития КНР. *История и современность* 2(16): 197–203.

2013а. *Развитие высшего образования в современном Китае. Высшая школа в условиях развития инновационной экономики:* монография (с. 146–158). М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова.

2013б. Образование как точка роста китайской мечты. В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Природа и общество в процессах взаимодействия.* Серия «Социо-естественная история. Генезис кризисов природы и общества». Вып. XXXVII (с. 218–233). М.

Сюн Цинянь. 2011. *Как в КНР реформировали образование.* URL: vedomosti.ru/opinion/news/1382106/kak_my_uchilis_uchitsya.

Тянь Сююань, Чжоу Липин (ред.) 2004. *Народонаселение Китая*. Серия «Основные сведения о Китае». Китай: Межконтинентальное издательство Китая.

Annual Report on China's Education. Blue Book of Education. Peking: Zhongguo Jiaoyu yu Kexue Chubanshe, 2010.

China Statistical Yearbook 2010. Beijing: China Statistics Press, 2010.

The 2006 Green Paper on Education in China. Peking: Zhongguo Jiaoyu yu Kexue Chubanshe, 2006.

The 2008 Green Paper on Education in China. Peking: Zhongguo Jiaoyu Kexue Chubanshe.